

«УСЛЫШАТЬ НАШИ ГОЛОСА...»

Живая энциклопедия психотерапии: от традиции к легенде

Безумная идея собрать вместе и помирить между собой классиков психотерапии, основателей многочисленных современных психотерапевтических направлений, пришла в голову председателю Фонда Милтона Эриксона Джеффри Зейгу как раз накануне столетнего юбилея психотерапии, отмечавшегося в 1985 году.

Но как это осуществить, если представители разных школ принципиально не знают друг друга, не здороваются, не читают чужих работ, а если и случится ненароком столкнуться на конференциях или журнальных страницах, начинают обвинять в некомпетентности, неэффективности и разных прочих грехах. Как быть?

Найденное решение было вполне в духе «стратегической терапии» самого Эриксона, который, желая устроить личную жизнь двух своих пациентов, внушал каждому из них «быть в восемь у фонтана». Оба приходили, слонялись в недоумении вокруг фонтана, наконец, познакомились, а там, глядишь, и свадьба...

Главное, по замыслу Дж.Зейга, было собрать всех корифеев вместе и заставить их выслушать друг друга. Глядишь, поговорив по-человечески, они поймут, наконец, что не так уж много между ними различий – гораздо больше сходств. Была организована конференция под названием «**Эволюция психотерапии**», на которую были приглашены такие знаменитости, как К.Роджерс, В.Сатир, Р.Лэйнг, А.Бек, Б.Беттельхейм, К.Витакер, Дж.Хейли, Э.Росси, А.Лоуэн и многие другие. Выступления семейных терапевтов комментировали представители когнитивного подхода, психоаналитиков – гештальттерапевты, эриксоновцев – психоаналитики и т.д. Результат этого обсуждения представляет собой подлинную **энциклопедию психотерапии**, причем энциклопедию поистине живую, в которой звучат живые голоса крупнейших представителей современной психотерапии, голоса их оппонентов, голоса публики...

Участница Первой конференции Вирджиния Сатир сравнивала психотерапевтов с шестью слепыми из известной притчи, которые пытаются наощупь понять, что такое слон, и каждый из них с пеной у рта отстаивает свою правоту. Несмотря на то, что им так и не удалось объединить свои точки зрения и воссоздать единую картину, общение принесло огромную пользу. По словам Вирджинии Сатир,

«количество появившихся за последнее время новых идей не уступает изобилию шведского стола. Я думаю, никому не повредит отведать понемногу от всех этих интеллектуальных яств».

В ближайшее время приглашение к этому столу получают и отечественные читатели. Издательство «Класс» готовит к выпуску четырехтомник, составленный из материалов двух конференций по эволюции психотерапии, состоявшихся в 1985 и 1990гг. Предлагаем вниманию читателей выступление Ролло Мэя на II Конференции, где он делится своими воспоминаниями об ушедших коллегах, и последовавший за выступлением обмен мнениями.

ОСТАНОВИТЬСЯ, ОГЛЯНУТЬСЯ:

ПСИХОТЕРАПИЯ ПОСЛЕ

К.РОДЖЕРСА, В.САТИР, Р.ЛЭЙНГА, Б.БЕТТЕЛЬХЕЙМА *

РОЛЛО МЭЙ**

Со времени первой Конференции по эволюции психотерапии в 1985 году скончалось немало наших «гигантов». Нет больше с нами Вирджинии Сатир с ее неизменно приподнятым настроением. Ушел Карл Роджерс с его необыкновенно целостным характером. Оставил нас Бруно Беттельхейм с его очаровательными сказками. Ушел и Ронни Лэйнг, который был близким другом многих из нас¹. Разговаривая с организаторами этой конференции, я спросил: «Что же мы будем делать теперь, когда нас покинули наши главные герои?» Невозможно представить себе, чтобы какие-то другие четыре человека могли занимать более важное место в нашей работе и в наших надеждах, чем те, кого я упомянул и кого с нами уже нет. Приехав на конференцию, я обнаружил, что есть еще много героев, которые займут место тех, кто от нас ушел. Но, думая о тех наших друзьях, кого с нами нет, я набросал кое-какие

* Перевод выполнен по: The Evolution of Psychotherapy. Ed. JKZeig Brunner / Mazel, N.Y., p.329-334.

** Ролло Мэй – клинический психолог и доктор богословия, автор и соавтор 15 книг и лауреат многих премий и наград за выдающиеся достижения и гуманитарную деятельность, один из главных сторонников гуманистического и экзистенциального подходов к психотерапии.

¹ Из членов нашего сообщества 1985 года не дожили до Конференции 1990 года также д-р медицины Льюис Уолберг и д-р медицины Мюррей Боуэн. Боб Голдинг, еще один член нашего сообщества 1985 года, из-за нездоровья не смог присутствовать на Конференции 1990 года; в начале 1992 года он скончался. – Прим. издателя.

мысли – отчасти воспоминания о них, а отчасти хвалебную речь в их честь.

ДРЕВНИЕ КОРНИ

Размышляя об утрате, понесенной нами со смертью этих великих психотерапевтов, я просмотрел некоторые свои заметки, чтобы выяснить, насколько далеко прослеживаются в истории человечества корни психотерапии. Я обнаружил, что в основе человеческой природы лежит убеждение, что все мы – часть друг друга. В этом смысле нечто вроде психотерапии присутствует на протяжении всех прошедших столетий.

Если взглянуть, например, на II век до Р.Х., то мы находим следующее: «Эпикур видел, что все необходимое для удовлетворения насущнейших потребностей человека уже находится в его распоряжении». Да, это можно применить и к нашему времени; мы – богатая нация, в нашем распоряжении есть всевозможные механические приспособления. А далее автор пишет: «Эпикур видел людей, наслаждающихся всей полнотой богатства и незапятнанной репутации, черпающих счастье в доброй славе своих детей. И тем не менее в каждом доме он видел сердца, постоянно раздираемые болью, против которой бессилён разум, и вынужденные искать утешения в постоянном покаянии» (*Лукреций*, «О природе вещей»). На всем протяжении эволюции человека мы встречаем подобные ситуации, когда люди нуждаются в некоем подобии психотерапии. Столетия спустя мы обнаруживаем другую сцену, очень похожую на то, что видим сегодня. Это сцена из «Макбета» Шекспира. Макбет со своим врачом прячется за драпировками, чтобы услышать бредовые речи леди Макбет, терзаемой психозом. Она рассказывает во сне, пытаясь стереть кровь, которую видит на своих руках, и истерически стелая от сознания своей вины. Макбет шепчет врачу, стоя за драпировкой:

*«Избавь ее от этого. Придумай,
Как удалить из памяти следы
Гнездящейся печали, чтоб в сознание
Стереть воспоминаний письма
И средствами, дающими забвенью,
Освободить истерзанную грудь
От засоряющих ее придатков»
(Акт 5, сцена 3)²*

Это поразительное описание психотической меланхолии у леди Макбет. Однако врач отвечает: «Тут должен сам больной себе помочь». Макбет гневно возражает: «Так выбрось псам свои лекарства!» Какие бы медикаменты мы ни разработали, какие бы ни использовали разнообразные таблетки вроде валиума или либриума, мы никогда не

² Эпизод изложен неточно; у Шекспира бред леди Макбет подслушивают в одной из предшествующих сцен врач и придворная дама, а разговор Макбета с врачом происходит позже, перед самой заключительной битвой. Цитаты приведены по переводу Б.Пастернака. – *Прим. перев.*

сможем окончательно изгладить из памяти «следы гнездящейся печали» и «стереть воспоминаний письмена».

РАЗДУМЬЯ XIX ВЕКА

В прошедшем веке мы находим еще одно упоминание об острой необходимости психотерапии. Я процитирую Фридриха Ницше. Он утверждал, что наука в конце XIX века превратилась в фабрику, и опасался развития техники и технологии, не сопровождаемого параллельным развитием этики.

Свои пророческие предостережения о том, что произойдет в XX веке, Ницше изложил в притче «Гибель Бога». Это жуткая история о сумасшедшем, который вбегает на деревенскую площадь, крича: «Где Бог?» Люди на площади не верят в Бога. Они смеются и говорят: «Может быть, Бог ушел в отпуск» или «Может быть, Бог эмигрировал». Однако человек продолжает кричать: «Где Бог?» Потом он объявляет: «Я скажу вам. Мы убили его – вы и я. Но как мы могли это сделать? Кто дал нам ту губку, которой мы начисто стерли все с небосвода? Что мы сделали, расторгнув узы, соединявшие нашу Землю с ее Солнцем? Куда мы теперь движемся? Прочь от наших солнц? Не находимся ли мы в непрерывном падении – назад, в стороны, вперед и во всех направлениях? Существуют ли еще верх и низ? Не ошибаемся ли мы, словно малые дети? Не ощущаем ли дыхания пустоты? Не повеяло ли уже холодом? Не опускается ли на нас неумолимо ночь и снова ночь? Бог умер, – продолжает этот сумасшедший. – Бог навсегда мертв, и это мы убили его».

Тут сумасшедший умолкает и оглядывает своих слушателей. Они тоже стоят молча и смотрят на него. Тогда он говорит: «Я пришел слишком рано. Это страшное событие еще впереди» (*Kaufmann*, 1950, с.75).

Эти строки были написаны 100 лет назад, и можно часами размышлять над вопросом: не привел ли гигантский прогресс нашей технологии к тому, что, не сопровождаясь параллельным этическим прогрессом, он стал причиной смерти Бога?

Ницше не призывал вернуться к прежней вере в Бога. Он, скорее, указывал на то, что происходит, когда общество утрачивает свои основные ценности. Теперь это страшное событие уже произошло, – это для нас более чем очевидно после Первой мировой войны, Гитлера, Второй мировой войны и почти непрерывных войн, следовавших за ней. Ницше описывает тот мир, в котором мы живем, – мир, где нет никаких направлений, нет ни севера, ни юга, ни верха, ни низа. Событие было «еще впереди», когда он это писал; однако вполне возможно, что именно его мы и переживаем сегодня. На этот вопрос и пытается ответить психотерапия.

Всего через 15 лет после того, как Ницше написал вышеприведенные слова, Ибсен создал «Пера Гюнта». В этой драме он показывает, как Пер Гюнт возвращается в Норвегию. Гюнт, изображавший из себя великого и

неукротимого героя, оказывается таким же, как и все остальные, – заблудшим человеком. Он возвращается к единственной, кто на самом деле любил его, – к Сольвейг. Когда он стоит на палубе судна во время бури, поблизости тонет другое судно. Некий присутствующий на судне персонаж, который у Ибсена назван «Незнакомым пассажиром», стоит рядом с Пером на палубе. (Вспомните: это было написано за 10 лет до Фрейда и примерно через столько же времени после Ницше.) Незнакомый пассажир говорит: «Но кто стоит одной ногой в могиле, становится добрее и щедрее». Пер возмущен и восклицает: «Убирайтесь!» Незнакомый пассажир отвечает: «Но вам прямая выгода, мой друг. О вашем вскрытии похлопочу я. Меня особенно интересует, где специальный орган фантазерства; так вас по косточкам и разберем мы». Рассерженный Пер кричит: «Да провалитесь вы совсем!» И отходит от борта, бросив Незнакомому пассажиру на прощанье: «Безбожник!»³

Так вот, этот Незнакомый пассажир – психотерапевт, появившийся за 20 лет до Фрейда и созданный поэтической фантазией Ибсена. Это наглядный пример того пробела, который Фрейд столь плодотворно заполнил тем, что он назвал психоанализом.

Размышляя о человечестве, начиная с пещерных людей, мы начинаем понимать, что на протяжении столетий нуждались в людях, подобных психотерапевтам. В истории самых разных эпох мы находим эти мольбы о помощи – о том, чтобы кто-то проник в наше внутреннее «я», проник к нам в душу, где мы таим наши самые глубокие мысли и где переживаем самые великие радости.

СОВРЕМЕННЫЕ ГИГАНТЫ

Думая о тех, кто проникает к нам в душу, мы вспоминаем тех четырех людей, кто сыграл такую важную роль в нашей Конференции 1985 года. Одной из них была Вирджиния Сатир. Все мы, кто ее знал, были очарованы ее энтузиазмом, ее бодростью, тем, как она могла слушать каждого и не забыть никого. Она оказывала на окружающих какое-то необычное влияние. Однажды, будучи в Нью-Йорке, она остановилась у нас, и моя жена спросила ее, что она собирается делать вечером. «Я хочу пойти в цирк», – он тогда выступал в Медисон-Сквер-Гардене. Я послушно взял билеты, и мы вволю повеселились.

Одна из особенностей Вирджинии Сатир состояла в том, что энергия ее постоянно была через край. Я никогда не видел ее в унынии. В этом заключался секрет ее успеха в качестве семейного психотерапевта. В этом смысле она была похожа на Бруно Беттельхейма: находясь с ней рядом, вы чувствовали себя так, словно встретились со старым другом. Я не был с ней очень близко знаком, однако рядом с ней всегда ощущал дух дружелюбия, или дух любви, как сказала бы она.

Покинул нас после той, первой Конференции и незабываемый Карл Роджерс. Самое удивительное в Карле было то, что создавалось

³ Цитаты приведены в переводе А. и П.Ганзен. – *Прим. перев.*

ощущение, будто он проникает в самую глубь твоей души. Всегда, когда я был с ним, я чувствовал, что «меня понимают». Как это получалось, мне не совсем ясно. Это объяснялось свойствами души Роджерса, тем, что он как будто никогда никого не осуждал, но всегда был для всех открыт. Я могу понять, как сеанс с Роджерсом приносил огромную пользу благодаря такому богатству его души. Однажды, будучи в Медисоне, я остановился у него. В то время он проводил эксперимент по психотерапии больных психозами в больнице для ветеранов под Медисоном. Когда он и его ученики закончили свои длившиеся шесть месяцев сеансы с этими больными, он разослал двенадцати специалистам, которых отобрал по всей стране, магнитофонные записи и попросил их высказать свое мнение о том, что там происходило. Я был одним из этих двенадцати. Прослушивая записи, я понял: это нечто такое, что может принести огромную пользу кому угодно. Однако мое главное критическое замечание состояло в том, что в роджерсовской терапии не было места для зла и деструктивности. Поэтому со многими больными он не добился успеха. Тем не менее не так важно, понимал ли Роджерс, в чем дело. Он всегда был верен тому, что считал истиной.

Как-то он сказал мне: «Я бы прошел босиком 20 миль, чтобы встретиться с моим злейшим врагом, если бы мог чему-то у него научиться». Роджерсу было чему учиться, потому что некоторые из этих пленок были не лучшими образцами психотерапии. Но я убежден, что он приносил пользу пациенту, с которым в тот момент работал.

Когда я был в Нью-Йорке почти 40 лет назад, в начале 50-х, нас – психотерапевтов-психологов – очень беспокоили то и дело вносимые в законодательное собрание штата законопроекты, согласно которым психотерапия объявлялась разделом медицины. Я был назначен председателем объединенного комитета, в котором были представлены все группы немедиков. Хотя психотерапевтов было немного, лишь пять-шесть на весь штат Нью-Йорк, мы делали все, что могли, чтобы узаконить деятельность психологов. В ходе этой работы я позвонил Роджерсу, который жил тогда в Чикаго. Я не был с ним знаком лично, но многое о нем знал.

Я рассказал ему о положении, в котором мы оказались, и спросил: «Вы нас поддержите?» Он ответил: «Я вовсе не уверен, что психологи должны получать лицензии». Я был с ним категорически не согласен, но знал, что со мной говорит не враг. Со мной говорил человек, который хотел, чтобы психология сохранила некую чистоту, которой она лишилась бы, если бы мы должны были получать лицензии и сдавать всевозможные экзамены. Сегодня мы понимаем, какие сложные проблемы для нас способно породить лицензирование.

Был еще Бруно Беттельхейм, который также сыграл видную роль на Конференции пять лет назад. Он жил по соседству со мной в Калифорнии. Его прелестная книга «Сказки» остается нам как его наследие. Он был твердо убежден, что раскрепощение воображения у детей с помощью

сказок имеет первостепенное значение для их развития. И он настойчиво выступал против тех, кто считал, что мифы и сказки, весь этот аспект жизни следует вышвырнуть за окно и жить только техникой. В этом я был с ним целиком согласен. Он часто цитировал Аристотеля: «Тот, кто хочет обладать мудростью, должен знать и понимать сказки и мифы, ибо с них начинается мудрость».

Наконец, мы дошли до последнего из этих четырех друзей и учителей, которые теперь нас покинули, – до Ронни Лэйнга. Мне трудно говорить о Лэйнге, потому что он был моим очень близким другом. Я познакомился с ним в Европе, а позже он останавливался у нас в Сан-Франциско. У него была фантастическая способность проникать в самую глубину сознания другого и в двух словах определять, в чем состоит его проблема. Это происходило отчасти потому, что он жил на грани психоза. Я не хочу сказать, что у него был психоз, но хочу сказать, что его ум был постоянно открыт настолько, что в любой момент он мог провести сеанс психотерапии, произнеся всего лишь несколько слов. Мы с ним часто гуляли в лесу Мьюр, там, где огромные деревья достигают такой удивительной высоты. Он смотрел на эти деревья и молчал, но видно было, какие глубокие чувства он испытывает.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этом выступлении я хотел выразить наше чувство утраты и сказать, что эти четверо останутся с нами до тех пор, пока не угаснет наше сознание. Живы ли они или умерли, – не так уж важно. Важно, что в нашей памяти останутся обостренная чувствительность Ронни Лэйнга, энтузиазм Вирджинии Сатир, дух Бруно Беттельгейма и цельность Карла Роджерса – что мы храним в своих собственных сердцах качества, которые сделали их великими. Когда меня попросили принять участие в этой конференции, я задал риторический вопрос: «Возможно ли будет провести конференцию без этих четырех человек, которые столько для нас значили?» Я знал, что это возможно, но я хотел отдать должное тем, кто ушел. У нас прошла отличная конференция, и этим мы обязаны личности тех, кто был с нами и кого больше нет. Я думаю, это одна из причин, почему нынешняя конференция отражает действительную эволюцию психотерапии – от первобытных мужчин и женщин, рисовавших знаки на стенах пещер, от древних греков и иудеев до гигантов нашего времени. Все мы знаем, что лучший способ воздать почести этим четверым – продолжать работать в областях, где работали они, использовать то, чему они нас научили, то есть превратить психотерапию в образ жизни, благодетельный для всего человечества.

ЛИТЕРАТУРА

Ibsen H. (1963) Peer Gynt (p..29). N.Y., Anchor Books.

Kaufmann W. (1959) Nietzsche: Philosopher, psychologist, anti-Christ. Princeton, NJ.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ДЖЕЙМСА ХИЛМАНА

Это необычное выступление отражает глубокое экзистенциальное видение Ролло Мэя, который напоминает нам, что работа психотерапевта – это раскрытие души, а не техника. Научиться можно многому, но то, почему мы этому учимся, коренится в душе. Начать, как начал Ролло Мэй, с того, чтобы воззвать к мертвым, на мой взгляд, вполне уместно, потому что всякая традиция должна иметь своих основоположников. Говорить об эволюции в какой-то области означает не просто рассматривать ее историю и ее идеи, но и вспоминать ее легенды.

По существу, может быть, именно ради этого многие пришли сюда – чтобы увидеть на трибуне этой конференции нас, ненормальных стариков и старух, посмотреть, как мы выглядим, услышать наши голоса, а не только читать в книгах слова, которые мы написали. Наше присутствие здесь – это часть традиции и легенды. Ролло напомнил нам, что наши предшественники с нами – как источник вдохновения и как наше достояние. Мы не бросаем накопленного достояния по мере того, как развивается наша область. Традиция идет из прошлого, мы возвращаемся назад, чтобы прильнуть к ней и пополнить свои силы, – возвращаемся к Фрейдю, к Юнгу, к Адлеру, к тем, чей дух вызывал Ролло Мэй.

Из того, что вы говорили, Ролло, я понял, что когда мы изучаем эволюцию психотерапии, мы должны возвращаться назад. Этот взгляд назад соответствует давней идее Возрождения – чтобы двигаться вперед, нужно смотреть назад. Почему? Потому что это достояние отягощает и в то же время питает нас. Это достояние дает нам модели и примеры для подражания, которые не позволяют нам сбиться с пути.

Нам также напомнили, что такое в действительности психотерапия, и я подумал, что само это слово помогает нам это понять. Корень греческого слова «терапия» означает служение или священнодействие у алтаря. Алтарь, которому служим мы, психотерапевты, по-прежнему остается алтарем гуманизма, который сегодня некоторые называют «светским гуманизмом» – термин довольно точный. Греческая идея терапии, однако, означала служение у алтаря богов, служение чему-то невидимому – присутствующему в мире, но невидимому, не личным взаимоотношениям, не гуманизму. И я думаю, что это обращение к покойным в каком-то смысле напоминает нам, что работа психотерапевта есть служение невидимой части души – тем существующим в ней силам, которые не могут быть четко очерчены и о них сказок и историй, образов языческих богов и богинь говорит о том, что единый Бог, возможно, и умер, как сказал Ницше, но прежние боги, может быть, не окончательно мертвы. Может быть, мы все еще участвуем в этой древней борьбе между тем, что когда-то называли христианством, и язычеством, между единобожием и многобожием, и боги все еще где-то поблизости от нас. Но независимо от того, единый это Бог или боги, я не считаю, что психотерапией можно заниматься в безвоздушном пространстве, всего лишь открывая новые

определения человеческого «я» и новые подходы к личным взаимоотношениям, вмешательствам, трансферам, фреймам, исцелениям, приспособлениям и так далее. В безвоздушном пространстве, оставшемся после вытеснения Бога, психотерапия становится тем, что критики называют светским гуманизмом и что, безусловно, не есть тот глубокий и прекрасный экзистенциализм, которому Ролло Мэй посвятил свою долгую и важную деятельность, представляющую для всех в этой области огромную ценность.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Вопрос. Д-р Мэй, вы говорили о Ницше и о том, что без этики наступит аннигиляция. Какой вы видите роль психотерапии в нашей этической среде на протяжении 90-х годов?

Мэй. Я могу немного сказать о том, как в этой среде развивалась психотерапия. Первоначально я учился на священника, как и Карл Роджерс. Роджерс закончил Теологическую семинарию «Юнион» за три или четыре года до меня. Многие психотерапевты изначально принадлежали к духовенству. Не знаю, как это влияет на нашу работу. Может быть, это оказало влияние на Фрейда. Фрейд очень яростно нападал на узколобую религию, но его терапия использует точную копию католической исповеди. Он укладывал пациента на кушетку и садился сзади, отдельно от пациента. Но кто мог забыть, что он здесь? Это в точности то, что происходит во время католической исповеди. Вы не знаете, кто вас исповедует. Ты наедине со своей исповедью; исповедник здесь, но он скрыт завесой и в каком-то смысле отделен от вас. Его присутствие не должно мешать вашему общению с собственной душой, со своим «я». Нечто подобное Фрейд и создал, используя кушетку, позади которой сидел он – отец-исповедник.

Я провел на кушетке, занимаясь психоанализом, три или четыре года, и в этом есть большой смысл. Забываешь, что кто-то здесь есть. Это нечто, напоминающее полусон. Ваши свободные ассоциации приобретают некую глубину, некую реальность, некую красоту именно потому, что это полусон. Вы лежите на кушетке и даете себе волю, и кое-что из того, что всплывает в памяти, просто фантастично.

Вопрос. Д-р Мэй, вы говорили о Карле Роджерсе и о его сомнениях по поводу лицензирования. Что могло бы это принести нам как психотерапевтам? Я немало размышлял о той борьбе, которая шла много лет в Американской психологической ассоциации между научным, исследовательским направлением и психотерапией. Эта борьба приобретала различные формы, включая иногда намерение психотерапевтов выйти из ассоциации. Вы можете что-то сказать по этому поводу?

Мэй. Нью-Йорк был первым штатом, который придал психологам некий законный статус. Представители Американской психологической ассоциации приезжали из Вашингтона и оказали нам большую помощь.

Они сделали это, по их словам, потому, что Нью-Йорк – не просто один из штатов, и то, что происходит в Нью-Йорке, будет иметь отклик по всей стране. Тогда я понял, что Эрих Фромм был прав, и Карл Роджерс был прав: в лицензировании таится большая опасность. Вы становитесь частью фабрики, чем-то вроде механизма, и вы самыми разными способами продаете свою душу. Как только начинается лицензирование, тут же начинается всевозможное жульничество. Развивается целая система обмана. Это происходит именно из-за стремления быть честными с помощью лицензирования. В Нью-Йорке я говорил: «Я за лицензирование по четным дням и против – по нечетным».

Я имел прямое отношение к введению лицензирования в штате Нью-Йорк. Я пришел к выводу, что оно абсолютно необходимо; иначе у нас вообще не было бы профессии. Но благодаря лицензированию мы должны быть смиренны и осторожны, когда дело касается нашей профессии, Я на 51 процент за лицензирование и на 49 процентов против. Оно нам нужно – в этом сомнений нет. Но оно создает проблемы, которые приходится решать.

Перевод А.Иорданского